

Российская академия наук
Институт всеобщей истории
Центр истории Византии
и восточнохристианской культуры

Каптеревские чтения

15

МОСКВА – СЕРПУХОВ
2017

**РАЗНОЧТЕНИЯ В СПИСКАХ ВТОРОГО ПОСЛАНИЯ
ПРП. ПАИСИЯ (ВЕЛИЧКОВСКОГО)
К АРХИМ. ФЕОДОСИЮ (МАСЛОВУ),
ПРОЛИВАЮЩИЕ СВЕТ НА ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕВОДА «ПАИСИЕВСКОЙ» ШКОЛЫ**

П.Б. Жгун

Ключевые слова: Паисий Величковский, Феодосий (Маслов), славянское Добротолюбие, умная молитва.

Преподобный Паисий (Величковский) и архимандрит Софрониевой пустыни Феодосий были знакомы со времен, когда последний перешел на жительство в Молдавию в монастырь Берзунец и подвизался сначала под руководством старца Василия Поляномерульского, а потом и под руководством старца Паисия в 50-х годах XVIII века. Позже, когда Феодосий был назначен игуменом скита Цыбуканы, у них завязалась переписка, в которой обсуждались вопросы управления монастырем и братией. Всего известно два письма старца Паисия архим. Феодосию. В первом письме¹, написанном до 1770 г., преподобный разъяснял игумену особенности тяжелого подвига настоятельства и увещевал не скорбеть о том, что Феодосий не может нести послушание наравне с прочей братией. Феодосий, очевидно, тяготился чином игумена, мешавшим заниматься умной молитвой, требующей от делателя всецелого смирения и уничтожения. Текст второго послания написан после 1787 г. и представляет собой ответ на просьбу самого Феодосия прислать ему списки переведенных старцем святоотеческих творений. В задержке отправки книг Паисием Феодосий усмотрел знак некоторой «вражды» со стороны преподобного. Однако, как пишет сам старец, его любовь к Феодосию не иссякла, но приобрела иной характер: для убеждения в искренности своего

¹ Прп. Паисий Величковский: Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв. / Сост. П. Б. Жгун, М. А. Жгун; общ. ред. Д. А. Поспелова, О. А. Родионова. М.: Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь, 2004. С. 266–267.

отношения к Феодосию и разъяснения причины задержки с высылкой книг Паисий подробно пишет о переменах в своей переводческой деятельности, произошедших со времени пребывания его на Афоне. В письме преподобный поясняет свое отношение к изданию аскетических сочинений. Он особо подчеркивает, что прохождение умного делания возможно только для монашествующих, кто совершенно порвал с уладами мира и непременно находится под руководством опытного наставника. Поверхностное, «книжное» ознакомление мирян с практикой исихастов, по мнению старца, в состоянии вызвать только смущение. Считая свои переводы неготовыми для копирования и издания, старец Паисий противился их распространению и не желал, чтобы рукописи покидали обитель. Несмотря на это, Паисий добился разрешения устроить в Нямце типографию (1792), которая фактически заработала лишь в 1807 г. Позже он отправит свои переводы в Россию, зная, что там их будут исправлять ученые. Так в 1793 г. в Москве вышло славянское «Добротолюбие»².

Поскольку письмо содержало важные наблюдения преподобного, касающиеся практики умного делания, оно не могло не заинтересовать православных монахов-аскетов. Известны два издания второго послания. Первое было осуществлено Введенским Оптиным мужским монастырем в 1847 г. в сборнике, содержащим Житие и некоторые сочинения старца Паисия³. Сборник открыл целый ряд изданий переводов и сочинений старца. Однако оптинцы использовали в книге не оригинальный текст письма. Изначально оно было адресовано настоятелю Софрониевой пустыни архим. Феодосию и, вероятно, еще там переписано с сокращениями. В собрании Оптиной пустыни в РГБ, ф. 214 № 142 и 145 хранятся, видимо, именно такие, исправленные списки Послания, которые и послужили основой для издания 1847 г. Текст изданного письма даже в названии определен как некая часть изначального послания: «От письма старца Паисия, еже писа к Старцу Феодосию». В сокращенном варианте отсутствовали строки, касающиеся упреков старца Паисия Феодосию.

Эту часть текста, как довольно обширную, мы помещаем в приложении.

Второй известный список письма находится в сборнике произведений старца Паисия, переписанном схимонахом Платоном, и хранится ныне в Национальном архиве республики Молдова

² Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения. Ч. 1. Москва: Синодальная типография, 1793.

³ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: Издание Оптиной пустыни, 1847.

(НАРМ 2119.2.22). У Платона, который был одним из ближайших учеников преподобного, систематизировавшим написанные собственноручно сочинения и переводы Паисия, не было необходимости спасать репутацию архим. Феодосия. Однако в его списке появляются другие лакуны, что совсем не характерно для схим. Платона, который при переписывании других переводов Паисия обычно до буквы сохраняет и копирует автограф своего учителя.

Текст выпущенных схим. Платоном фрагментов выявляется при сравнении с оптинскими списками и изданием. Содержание отсутствующих фрагментов послания связано с самохарактеристиками старца Паисия, в которых он жалуется на отсутствие знания греческого и недостаток образования. Сборник писался уже после смерти старца, почитание которого в обители было очень сильно. Для сохранения высокого авторитета Паисия и для того чтобы не бросить тень на него как человека, будто бы недостаточно квалифицированного для взятой им на себя работы, в рукописи схим. Платона изъяты некоторые фрагменты. В приведенной ниже таблице в левом столбце дан текст с сокращениями схимонаха Платона, а справа — полный, по списку послания из собрания Оптиной Пустыни (подчеркиванием выделены общие для обоих списков чтения, а курсивом — фрагменты текста, элиминированные схим. Платоном или оптинскими издателями).

НАРМ, 2119.2.22

1. <...> увидети совершенный оный разум.<...> Егда же тако многократно<...> [л. 57].

2. <...> В книгах славенских неисповедимая неясность <...> [л. 57].

3. <...> Вселившися же во святей обители Драгомирнстей, начах всеприлежне о том помышляти и пещися, каковым бы образом воз-

РГБ 214.142

1. <...> увидети совершенный оный разум. *Книгу святаго Исаака Сирина с другия таковыя книги, по засвидетельствованию единого лица, яко она во всем с греческою сходна, шесть недель день и ноць исправлях, но и той мой труд всуе бысть: по времени бо уразумех, яко мою лучшую со оныя хуждшия испортих.* Егда же тако многократно <...> [л. 3].

2. <...> В книгах <...> неясность <...> [л. 4].

3. <...> Вселившимся же нам во святей обители Драгомирнстей, начах всеприлежне о том помышляти и пещися, каковым бы образом воз-

могл аз, или исправление книг отеческих славенских сотворити: <...> или и внов превод с еллиногреческих начати производити: и начях дело сие, сицевым образом.

...и начях дело сие, <...> сицевым образом. Положих себе в руководство превод книг отеческих на молдавском языке, яже преведоша из еллиногреческих писанных мне во святей горе, на свой природный молдовахийский язык возлюбленнии братия наши иеромонаси Макарий, и Иларион Даскал, искуснии в преводех книг, и учении мужи. Часть из них преведе брат Макарий еще во святей горе Афонстей, а часть в Драгомирне: такожде и честный даскал отец Иларион часть некую из них преведе в соборе нашем. Таковый их превод аз, аки повсему истинен без всякаго сумнения вмених быти: начях обретающияся у мене, древле переведенныя книги на славенский язык с еллиногреческаго, исправляти: а иныя и внов преводити: прилежно же взирая и на еллиногреческия оныя писанныя мне во святей горе. И преведох вновь книги сих святых: Святаго Антония Великаго, святаго Иоанна Лествичника, святаго Исихия, святаго Филофея, святаго Нила Синайского о молитве, святаго Исаии Отшельника главы о молитве, и святаго Фаласиа. Древле же преведенныя исправлях сия: святаго Диадоба, святаго Макария вторую, святаго Исаака, святаго Григория Синаита, святаго Симеона Новаго Богослова слово о молитве и внимании, святаго Кассиана Римлянина о осми помыслех и слово о разсуждении: и прочия. <...> В лето 1774... и святаго Никиты Стифата триста глав. Которыя книги и паче всех предреченных, не точию к пе-

могл аз, исправление книг отеческих славенских сотворити: и обретох великое и неизреченное к сему делу неудобство, некоторых ради благословных вин. Первая, яко преводителю книг должно есть быти совершенно учену, и не точию во всем грамматическом учении и правописании и всесовершенном ведении свойств обоих языков быти совершенну, но еще и самых высоких учений, пиштики, глаголю, и риторики, и философии, еще же и самыя Богословии не перстом коснувиуся. Аз же, еще в юности моей лета четыре и пребывах в Киевских училищах, но точию грамматическому учению латинского языка отчасти научился бех, желанию иночества не попустившу выших коснутися учений. Но и того малаго учения чрез толико многая лета едва не во всесовершенное пришед забвение: бояхся убо и трепетах, дело сие толико великое начати. Вторая, неискusstво мое в орфографии, сиречь в правописании. Неискусен же кто сый в правописании, и дерзая пишати святыя книги, той, по моему мнению, сердцем убо верует в правду, усты же исповедует во спасение, рукою же неискusstва ради своего хулит, в вечное себе осуждение, аще произношением устным хулы своя и не познавает. Сего и аз, неискусен еще тогда в правописании сый, бояся, ужасаясь дело сие начинати. Третья, яко к сему делу не имех лексиконов, кроме единого Варина, но и той в келлии брата Макария, превода ради книг на молдавский язык, мало не всегда обреташеся. Превод же книг без лексиконов таков есть, яково есть и дело художников без орудий. Четвертая, яко едва часть некую, да и то малейшую, словес еллиногрече-

чати, но ниже к переписанию ныне на иной обители отнюд суть неприличны, дондеже с достоверных печатных или и рукописных подлинников исправлены будут. <...> Се якоже в зеркале святых твоих <...> представих, каков мой во исправлении книг отеческих славенских с еллиногреческих бысть: или и внов со онеже в преведении на славенский язык, труд бысть: яко превышше силы моя сей бысть, но <...> и еще несовершен. [л. 59 об, 60].

скаго языка ведях, всего же языка мало не повсесовершенном неведени обретахся. Пятая, яко язык сей еллиногреческий вся языки вся вселенная премудростию, красотою, глубиною и преизобилием и богатством неисповедимым речений несравненно превосходящий, его же глубины и самии природнии Грецьи, совершенно учении, едва отчасти могут достигати, в немалый страх мя влагаше, како дерзну аз с такового премудрейшаго языка дело мое во исправлении или в преведе книг начинати. Шестая, яко и самаго нашего преславнаго словенскаго языка, иже, якоже ми мнится, многия языки красотою своею и глубиною и преизобилием речений, паче же всего преблизшим к еллиногреческому языку уподоблением несравненно превосходит, едва часть некую речений зная, но несравненно большей части не ведая, бояхся дело сие начинати. Сия предреченная вины и многыя сих, еще же от безчисленных духовных и телесных о внутренних обительных и о внешних делах попечений неупразднение мое помышляя, едва не отчаяхся дело сие, аки пренеудобнейшее, начинати. Видя же глад слова Божия в соборе нашем, имже души братия с моею бедною душею в конец истаяваху, на Господа, слепцы умудряющаго, всю мою возложих надежду, и молитвами святых братий дерзнух дело сие, отнюдь меру мою превосходящее, сицевым намерением и разумом и сицевым образом начати. Познавая аз меру свою, яко предреченных ради вин, отнюдь не возможно будет мне дело сие, сиречь исправление, или и внов превод словенских отеческих книг с еллиногреческих, мною начатое, единою в таковое совершен-

ство произвести, яко да абие достойно будет и в прочих обителях пребывающим братьям к переписанию, или и к выпечатанию, и да не возпоследует ктому никакже нужда вторицею оныя разсмотревати и исправляти; и аки в зеркале видя, яко не единою но и многажды, по обретении лексиконов, и по лучшем, аще и малом, языка еллиногреческаго уразумени, и словенскаго языка правописания познани, и наблюдения свойств и грамматическаго художнаго обоих сих языков сочинения искусстве, возпоследует необходимая нужда паки тыя с прилежнейшим рассмотрением, или самому мне, аще бы Бог продолжил житие, или по смерти моей искусными в сей вещи братьями, оныя исправляти: сего ради, не завидя, якоже нецыи мнят, обще всех иноков, хотящих спастися, пользе, но надеяся, яко имать быти, и по многом времени, многожелаемых сих книг совершенное исправление, завет таков, аки основание непоколебимо, в души моей положих, да труд мой сей во исправлении или в переводе книг отеческих, аки по всему храмлющ и несовершен, пребудет в соборе нашем отнюдь неисходен, дондеже помощию Божию исправится, и приидет в подобающее совершенство. Начах дело мое сие, сиречь исправление книг отеческих словенских и вновь перевод с еллиногреческих, сицевым образом: видя себе, якоже лексиконов, тако и всего предреченнаго к сему делу искусства лишаема, положих себе в наставление и руководство перевод книг отеческих на молдавском языке, яже преведоша с еллиногреческих на свой природный молдавский язык возлюбленнии братия наши иеромонах Макарий и Ила-

рион даскал, искуснии в преводе книг, и учении мужи. Часть из них преведе брат Макарий еще во святей горе Афонстей, а часть в Драгомирне: такожде и честный даскал отец Иларион часть некую из них преведе в соборе нашем. Таковый аз их превод, аки по всему истинен без всякаго сумнения вменив быти: начах древле на славенский язык с еллиногреческаго преведенные прилежно взирая на еллиногреческия исправляти отеческия книги сих святых: Исихия, Диадоба, Макария вторую, Филофея, Нила о молитве, Фалассия, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова слово о внимании и молитве, Кассиана Римлянина о осьми помыслех и прочия, держася крепце, аки слепец за тын, за предреченный перевод, и исправих первый крат предреченныя книги. Таже по мнозе времени, егда уже начах мало приходити в лучшее сея вещи успеяние, усмотрех во исправленных сих мною книгах, неискусства ради моего, премногая погрешения: то и вторицею некоторыя от сих исправих. Таже по некоем времени, и еще обретьшымся многим в них погрешениям, и третицею исправих; иныя же из них оставаша в первом точию исправлении: не возмогу мне уже множае, за неимением времени, оныя исправляти; но и еще зело далече отстоят от истиннаго исправления, занеже и самыя оны еллиногреческия, в Святей горе написанныя, книги, яже неискусства ради моего без всякаго вменях быти погрешения, на зело премногих местех явишася в орфографии погрешны. В тожде время, егда еще не имех присем деле ниединаго лексикона, преведох и вновь со оных же еллиногреческих книг сия отеческия книги Святых: Антония ве-

ликаго, Исаии отшельника, Петра Дамаскина вторую книгу, яже моего ради во оно время наипаче бывшего неискusstва, толико премногая погрешения в переводе имут, яко мне уже и помыслити страшно, исправити же их совершенно, без достоверных еллиногреческих, отнюдь не возможно. Книгу Святаго Феодора Студита, по необходимой нужде, во оноже время с простаго греческаго языка перевода, не сподобився даже и до сего времени, аще и zelo желаю, на еллиногреческом языке, узрети, яже такожде, предреченных ради вин, zelo премнога имать погрешения. Такожде и книгу словенскаго древняго перевода, Святаго Исаака Сирина, Божиим непостижимым промыслом, паче чаяния моего, в настоящей жизни сподобився еллиногреческую печатную узрети, целый год трудихся над нею во исправлении, ово с еллиногреческою, ово же с молдавлахийскою чтый: но горе моему толикому труду, зане и сия, за тыяжде вины, zelo далече от стоит от совершенства, и нужда мне настоит, уже полумертвому, аще бы Бог милосердием Своим еще мне живот продолжил. и зрению моему, мало уже не слепому, просвещение даровал, яко уже отчасти имущему лексиконь, и мало в лучшее вещи сея, частостию делания, пришедшему успеяние, паки всеприлежнейше потрудитися во исправлении оныя. Тойжде же труд подобало бы мне восприяти и во исправлении вторичном первыя книги Святаго Макария великаго, и первыя книги Святаго Петра Дамаскина, занеже и тыя далече отстоят от совершенства. Книгу же Святаго Симеона Новаго Богослова ниже начинах исправляти, зане даже и

доселе еллиногреческия не сподобися узрети. 1774 лета... и святаго Никиты Стифата триста глав, еяже от древних времен на словенский язык преведенныя части некоторыя триех сотниц бяху, яже и в нас обретахуся; совершенныя же сея книги, совершенное число триех сот глав имущия, даже и доселе не видех; еллиногреческия же сея книги даже и дотоле неединия главы у себе не имех. Еще же преведох из сих и книгу Святаго Феодора Едесскаго. Которыя книги и паче всех предреченных, не точию к печати, но и к преписанию ныне на иной стране отнюд суть неприличны, дондеже с достоверных печатных или и рукописных подлинников исправлены будут. Что же реку о кнize Святых Каллиста Патриарха Цареградскаго, и спостника его преподобнаго Игнатия ксанфопулов, свидетельствуемой блаженнейшим Симеоном Архиепископом Солунским, юже неизреченным желанием желях сподобитися прежде смерти мояя поне узрети? и уже егда совершенно о сем начах отчаяватися, всемогущий промысл Божий устрои, не точию оную узрети, но и на словенский наш язык превести: но и сия, аще от прочиих и лучшаго, истину реку, правописанияестъ, обаче на многихъ местех с таковыми погрешении обретеса, яко и самый преискуснейший таковых книг с еллиногреческих на молдавлахийский язык преводитель, Отец Иларион даскал, на оных местех отнюдь не обрете суцаго и истиннаго разума, но по необходимой нужде, яко же возмне, преведе, егоже мнению и аз в преводе моем последовах: сего ради и сия книга тоежде к печати и на иное место к преписанию препятствие имать. О второй же

книзе Святаго Каллиста, нарицаемаго Катафигиота, что уже и реку, безчисленных ради обретающихся в ней орфографических погрешений? Юже такожде аще на словенский наш язык и преведох, но томужде подвержена есть несовершенству, и в подобной вещи приятствию. Житие Святаго Григория Синаита, писанное учеником его Святейшим Каллистом Патриархом Цареградским, честный схимонах Отец Савва из Святыя горы принесе к блаженныя памяти общему нашему Отцу и Старцу Василию, от негоже и мы вземше преписахом: аще же от Святыя горы по многом времени и принесеся в собор наш житие сего Святаго на еллиногреческом языке, но и то, кроме обычных орфографических погрешений, не все, разве точию части некия; еще же и описания блаженныя кончины сего святаго в нем не обретаются, еже на наш словенский язык аще и преведох, но и то туюжде вину имать. Книгу же Святаго Максима Исповедника четыреста глав о любви едину точию имама Московския печати, и слово постническое сего же Святаго по вопросу и ответу, мною еще в юности в нашем отечестве с бесчисленными, моего ради невежества, погрешении и опустками преписанное: еллиногреческаго же, аще и зело желаю, не сподобихся и доселе узрети. Книги же блаженнейшаго Симеона Солунскаго словенския, кроме еллиногреческия и волошския, в соборе нашем отнюдь не обретаются. Такожде и книги Святаго Каллиста, ученика Святаго Григория Синаита, в нас не обретаются. Книги же Святаго Нила Сорскаго отнюдь на еллиногреческом языке не обретаются, точию на словенском, юже и аз в

юности моей сый, преписах, но с безчисленными орфографическими погрешениями, и не имея времени и доселе та исправить, еще же и не имея достоверных, якову удобно в наших обителех мощно есть обрести. Се якоже в зеркале святыни твоей от самага начала даже и до конца представих, каков мой во исправлении книг отеческих славенских с еллиногреческих или и вновь с оных же в преведении на славенский язык бысть: яко превыше силы моя труд мой сей бысть, но по всему храмлющ есть и не совершен. [л. 6 об.-14].

4. Сего ради богоноснии отцы о молитве сей учаще, начало ея и основание непоколебимое, послушание истинное глаголют быти, от негоже истинное раждается смирение: смирение же хранит подвизающагося в ней, от всех прелестей самочинником последующих. <...> И како возможно будет мирским людем без послушания, от самага чтения по самочинию, ему же прелесть последует, на толико страшное и ужасное дело, сиречь на таковую молитву без всякаго наставления нудитися, и убежати многообразных и много-различных прелестей вражих, на молитву сию и подвижников ея прехитростне наводимых? <...> Толико бо страшна есть вещь сия, сиречь молитва умная: <...> яко и истиннии послушницы волю свою и разсуждение пред отцы своими, <...> истинными и преискусными наставники деланию молитвы сея, не точию отсекиши, но и совершенно умертвившии, всегда в страхе и трепете суть: боящеся и трепещуще да не постраждут в молитве сей некую прелесть, аще и Богом всегда храними суть от нея, за истинное свое смирение, еже благодатию

4. Сего ради богоноснии отцы о молитве сей учаще, начало ея и основание непоколебимое, послушание истинное глаголют быти, от негоже истинное раждается смирение: смирение же хранит подвизающагося в ней, от всех прелестей самочинником последующих. Послушания же истиннаго монашескаго и совершеннаго во всем воли своя и разума отсекиши мирскому народу стяжати отнюдь не возможно. И како возможно будет мирским людем без послушания <...> по самочинию, ему же прелесть последует, на толь страшное и ужасное дело, сиречь на таковую молитву без всякаго наставления нудитися, и убежати многообразных прелестей вражих, на молитву сию и подвижников ея прехитростне наводимых? Отнюдь невозможно. Толь страшна есть вещь сия, сиречь молитва: не просте умная, сиречь умом нехудожне совершаемая, но художне умом в сердце действующая, яко и истиннии послушницы волю свою и разсуждение пред отцы своими, делания молитвы сея истинными и преискусными наставники не точию отсекиши, но и совершен-

Божиею истинным послушанием своим стяжаша. <...> Молитва сия художество художеств от святых нарицается: и кто может ея без художника, сиречь без искуснаго наставника научиться; Молитва сия, мечь есть духовный, на закляние врага <...> от Бога нам дарованный: но не искусне действующему им, страх есть да не будет самага себе на закляние. Молитву же сию глаголю, не прости умную, сиречь не прости умом и усты совершаемую, сию бо всякому желающему христианину спастися, подобает: но художне умом в сердце действующую, и язва врага невидимо божественным именем. Молитва сия, паче же делание сердечное, в монасех точию, наипаче в странах Египетских аки солнце просияваше: такожде и в странах Иерусалимских, и в Синайстей горе, и в Нитрийстей, и в Палестине <...> и на иных многих местех, <...> И идеже и действовашесе, и <...> просияваше в монасех: то и тамо делание молитвы сея, аки тайна велия и неизреченная, Богу единому и делателем ея ведомая точию, храняшесе: мирскому же народу делание молитвы сея, отнюд неведомо бяше. Ныне же, выпечатанием отеческих книг, не точию монахом, но и всему христианскому народу, во уведение приидет. И сего ради якоже рекох, боюся и трепещу, за предреченную вину, сиречь за самочинное без наставника молитвы сея начинание, не воспоследует некая самочинником таким прелесть: от неяже Христос Спаситель всех хотящих спастися да избавит Своею благодатию. Сие же святыни вашей аки охранения ради, духовно объявив: пребываю, во всех заповедех Божиих вам совершеннаго предупреждения желатель. <...> Бог же любви

но умертвивший, всегда в страхе и трепете суть: боящесе и трепещуще да не постраждут в молитве сей некую прелесть, аще и Богом всегда храними суть от нея, за истинное смирение свое, еже благодатию Божию истинным послушанием своим стяжаша. Кольми паче мирским людем, без послушания пребывающим, аще бы точию от единаго чтения таковых книг понудилися на сию молитву, страшно есть, да не впадут в некую, самочинно ю начинающим последующую, прелесть. Молитва сия художество: художеств от святых нарицается: и кто может ея без художника, сиречь без искуснаго наставника научиться; Молитва сия, мечь есть духовный, на закляние врага душ наших от Бога нам дарованный: но не искусне действующему им, страх есть да не будет самага себе на закляние. <...> Молитва сия, <...> во иноцех точию, наипаче в странах Египетских аки солнце просияваше: такожде и в странах Иерусалимских, и в Синайстей горе, и Нитрийстей, и Палестине на многих местех, и на иных многих местех, но не повсюду, якоже является от жития Святаго Григория Синаита, иже всю Святую гору обшед, и прилежно делателей сея молитвы поискав, отнюд никогоже обрете в ней, поне малое ведение о молитве сей имущаго. Отсюда явственно есть, яко аще в такомом святем месте ниединаго такового святой сей обрете, то и на многих местех во иноцех делание сей молитвы неведомо бяше. А идеже и действовашесе, и аки солнце просияваше во иноцех: то и тамо делание молитвы сея, аки тайна велия и неизреченная, Богу единому и делателем ея ведомая храняшесе: мирскому же народу делание мо-

и мира, да будет с вами. Аминь.
[л. 67 об. — 68].

литвы сея, отнюд неведомо баше. Ныне же, выпечатанием отеческих книг, не точию иноком, но и всему христианскому народу, во уведение приидет. И сего ради, <...> боюся и трепещу, за предреченную вину, сиречь за самочинное без наставника молитвы сея начинание, не возпоследует некая самочинником таковым прелесть: от неяже Христос Спаситель всех хотящих спастися да избавит Своею благодатию. Сие же святыни вашей аки охранения ради, духовно объявив: пребываю, во всех заповедех Божиих вам совершенного успения желатель и недостойный Богомолец. <...>
[л. 23 об. — 25].

Сравнение позволяет заключить, что в двух вариантах списков по различным причинам отсутствуют разные части первоначального текста послания. То есть, возможно, ученики Феодосия спасали репутацию архим. Феодосия, а Платон, будучи учеником старца Паисия, поддерживал высокий статус своего учителя. История возникновения двух вариантов послания преподобного Паисия к архимандриту Феодосию очень интересна для понимания принципов и этапов работы последователей молдавского старца при подготовке его произведений к изданию или просто при их переписывании. Авторитет наставника, казалось бы, должен был препятствовать внесению изменений, но на деле, как мы видели, происходило иное, и при необходимости переписчики, а за ними и издатели редактируют созданный старцем текст, стремясь соблюсти интересы затронутых в тексте послания людей. В первом случае — это адресат. Как раз с именем архимандрита Феодосия связано первое исправление, внесенное в копию: оригинал текста послания, хранившегося, по некоторым данным, в Софрониевой пустыни, где проживал адресат, был сокращен. До нашего времени автограф не дошел (либо местонахождение его неизвестно современным исследователям). Сам подлинник или полный его список был в распоряжении второго копииста — ученика преподобного Паисия схимонаха Платона, которому, по-видимому, не пришлось по душе слова самокритики, высказанные старцем. Следствием стало изъятие из Послания других фрагментов. В результате два существующих издания имеют принципиальные различия в содержании, появление которых мы и попытались объяснить.

Приложение 1⁴

Преподобнейшему господину отцу Феодосию архимандриту пустыни Софрониевой, слово, о любви своей к нему. И еже неискати чести и богатства. И какову любовь отеческую подобает имети настоятелю. О тихом и безмолвном пребывании во обители. О еже упраздниться в келлии на чтение отеческих книг и молитву. О книгах отеческих преведенных с греческаго языка. Еще же и о хульнице некоем, на умную молитву.

Писание святыни ваша посланное ко мне недостойному чрез честных отец Климента и Иоанникия монахов с радостию получив, и прославих Бога о здравии вашем и богоугодном пребывании, и писанное ко мне со вниманием прочет, уразумех. Во первых, объявляете мне неизреченную вашу тугу и печаль, случившуюся сея ради вины: яко не внимаючи своему спасению, сильным своим жесловесием толико смутили душу мою, и сердце мое подвигнули противу вас искреннюю любовь ко мне имущих, яко и со всем из моей стороны разорвали союз любовный. И объявляете мне подробно, яковое вы попечение о свобождении братий наших имели, и яковый к ним совет о сем представляли, которому аще бы они повинулися, то воистинну и освобождение бы получили: но понеже они мнению своему уверовавше, отрунули ваше о них попечение, того ради и пострадали заточение. Я отче святой, веру ми ими, не точию от сего вашего объявления, но и от всегдашния ваша ко мне любве извещаваюся: яко вы случаю братий наших отнюд неповинни, котории о святыни вашей отнюд ничтоже помянувше в писмах своих пишуще: но плачут и рыдают, и от всего сердца и души пред Богом и предо мною исповедуют: яко сего всего их случая, они сами суть повинни, за свое их ко мне непослушание. От части бо они насильовали волю мою, ко Афанасию бо мати престарелая, а к Феофану отец престарелый писали, и слезно молили, да бы они потрудилися их посетити, и к монашескому житию привести. Они показавше мне писма их, со многими слезами многое время мене молили, поити к своим родителем, и исполнити делом прошение оных, я со многими слезами увещавах их оставити таковое их намерение, и на всемогущий промысл Божий возложить вещь сию. Обаче по времени низходя прилежному прошению их, оставих пойти, придав к ним брата Амвросиа, духовнаго ради наставления. Дая же им благословение на путь, со слезами к ним сказах: яко более уже возлюбленнии мои братие в

⁴ Приводится по: *Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения.* Серпухов, 2014. С. 336–350; НАРМ 2119.2.22, лл. 48–56.

настоящей сей жизни с собою не увидимся, разве Бог всемогущий чудо явит, да сподоблюся аз окаянный еще вас в маловременной сей жизни узрети. Еже и самим делом Бог попустил есть за мое недостойнство мне пострадати. и лишиться лицезрения превозлюбленных чад моих духовных. Сие и они поминающе и плачуще сами на себе, а не на кого иного вину возлагают, и со многими смиренномудрием и великодушием и благодарением претерпевают попущенное неисповедимыми судьбами Божиими на них сие искушение. Ин некто мне словесно возвестил о братиях наших тое, еже и вы в писании своем мне о них возвещаете, аки бы они к нему жаловались, яко от вас пострадали, еже пострадали. Но понеже я в писмах их сего не обретох, того ради отнюд на таковое онаго возвещение и не уверихся, и аки словеса некая праздна вмених быти. Сего ради молю и святыню вашу, не имейте о мне ни единого такового мнения, аки бы я союз любовный к вам совсем разорвал, да не попустит сие преблагий Бог мне окаянному пострадати. Аще бо и отнюд любве ко Богу и ко ближнему моего ради нерадения не стяжах: но обаче ведая, и известно веруя, яко без любве ко Богу и ко ближнему, верою единою православною спастися отнюд невозможно: вера бо без дел, по писанию, мертва есть. Должен есмь, аще поне и малейшую спасения надежду хощу имети. на сию, Богу помоществующу, и нудитися поне отчасти, и неединны ради вины, любве ко ближнему не разоряти: темже и ко святыни вашей, должен есмь по заповеди Божией всегдашнюю и никогдаже разоряемую любовь имети. Болшаго же ради извещения святыни вашей, залог мой любовный душевный, Богу единому ведомый, яковым я образом прежде к вам имех, и ныне имею, любве ради Божия вам возвещаю: когда святыня твоя еще в ските Цыбуканском пребывали, таковое я о вас извещение в души моей имел: яко в последняя сия дни, Бог благодатию своею явил такового мужа, сиречь святыню твою. могущаго и словом и делом наставити на истинный путь спасения хотящих спастися. Егда же святыня твоя возимели есте намерение перейти в монастырь Должешти, и о сем просили у мене совета, я отнюд вам не советовах сие сотворити, бояся всесовершеннаго вашего душевнаго и телеснаго разорения, и сказах вам: яко аще вы сие сотворите, то пойдете вы во оный монастырь с неизреченною радостию, а оттуда изыдете с неизреченною скорбию, еже и самим делом пострадали есте. Посем, намерение возимели есте взяти монастырь Берзунец, и пришли есте ко мне в монастырь Драгомирну, и молили есте мене прилежно, написати моление ко ктитором, дати вам оный монастырь. И от добраго своего произволения по совети христианской обет сотворил еси святыня твоя пред Христом Богом и Спасителем нашим Иисус Христом, свидетеля предста-

вив Пресвятую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, яко во всем по Бозе будеши советоватися со мною, и без моего совета ничтоже начинати и творити: но имети со мною в управлении братий, духовное единомыслие и единодушие: и во всем последовати правому разуму священнаго писания, и учения святых отец наших. Аз окаянный услышав таковый святыни твоя добровольне сотворенный пред Христом Богом обет, возрадовахся радостью неизреченною, надеяся яко сей обет ваш пребудет всегда неразоримь. И по прилежному моему ко онем лицам молению и дан был вам оный монастырь на всегдашнее пребывание, в который святыня ваша с братиею всерадостне и преселилися, и неколикое время по обету вашему и советовалися со мною. По времени же не многим, совершенно отринули есте совет духовный имети со мною, преступив данное свое пред Христом Богом обещание, и от того времени аки естественное стало в души моей о святыни вашей таковое извещение, яко уже святыня твоя и до смерти моя не приимеши от мене совета духовнаго, и житие твое не будет управляемо по воли Божией. Понеже начали есте во всем последовати воли своей, и разсуждению: а не святых отец учению. И начали есте оттоле управляти братию странным и необычным управлением. И во время страха, стали есте защищати себе оружием: а не всесильною помощию Божиею. И во время нападения супостатов, не прибегли есте ко мне в Драгомирну с братиею, и со всем движимым имением монастырским: идеже малое время пребывше, паки возвратилися бы с радостью во свою обитель: но ни словесно, ни писменно мне не возвестивше, изышли были есте от сея земли, и пострадали не малое и душевное и телесное разорение. Таже паки, по предстательству моему дан вам был в Мунтянской земле монастырь Снагов на всегдашнее ваше пребывание, в который преселившися, яковым образом тамо братию управляли есте: ужас нападает на мя, и воспоминаюти. Вместо бо, еже бы отеческим милосердием, любовью, кротостию, смирением, терпением и долготерпением и благостию, исправляти братию согрешающую: ваша святыня тщалися есте исправляти их, суровостию, жестокостию, немилостивным и безчеловечным биением, узами, темницами, и прочими таковыми, гражданской власти, а не монашескому чину приличными наказаниями. В монашеский чин постригали есте безвременно, и в диаконский и священнический степени производили есте безвозрастно, и едино и другое творили есте, противу священным церкви святыя правилам. И от скверноприбытка, егоже блаженныя и вечнодостойныя памяти старцы наши, и по Богу духовнии отцы, и наставницы спасению нашему Василий и Михаил и прочии ревнителие, и истиннии последователие слову Божиему, и учению книг отеческих, во

вся дни живота своего бегали и удалялися: святыня ваша напротив вседушне, и ненасытным желанием гониши стяжати сребро и имение. О чем всем святыню твою, когда из Снагова в Драгомирну ко мне приехали, я нелицемерно со всяким дерзновением по должности моей духовно и обличал: но ничтоже успел. Святыня бо твоя, аще по обличении моем, Бога свидетеля призывая и обещался еси во всем себе исправить: но обещание твое было точию по единому притворству, а не по самой истине христианской. Кому обещанию я отнюд и не поверовал, но в неистине вмених быти, и не точию неверование мое в души моей тайно содержаж: но и в лице святыни твоей сказах: яко, я отнюд такому твоему обещанию неверую, и в сем не погреших. воистинну бо не точию ни единого исправление, от моего любовнаго обличения вашей святыни не последовало: но еще и на горшее пришед успеание. По прешествии бо неколикаго времени, прииде слух ко мне, яко святыня твоя всяких образов, и славных и могущих лиц употребляет, ко взятию первенствующаго в Мунтянской земли преславнаго и пребогатаго монастыря Тисмана: и толико сей слух поразил мою душу язвою печали и сожаления о святыни твоей, яко от нестерпимых туги и печали сердца моего, начах о вас помышляти сие: яко святыня твоя, по неистовному желанию тщеславия: и по ненасытному и сребролюбивому рачению собрания пенязей: не испытую уже более, ни разума божественнаго писания, ни учения святых отец: но предреченными страстями душевное помрачив и смежив око, без всякаго разсуждения слепо вмещеши себе и последующих тебе в пропасть последняго и всеконечнаго тебе и братии твоей душевнаго и телеснаго разорения. И бурю нестерпимых бед и искушений, ненависти, и зависти, и востания от всех сам на себе доброволно воздвизаеши, ничтоже разсуждая яковый конец делу сему возпоследует. И от великаго о вас сожаления, многократно и братиям некоторым единомудушным со мною сказах: яко диавол проклятый завидя спасению рабов Божиих, кознь сию изобрете на отца Феодосия, которую не точию душу его, но и житие всего собора его в конец разорит: и воздвигнет на него таковая страшная Божиим попущением гонения, яко и от земель сих со всем истребит житие их. Еже и самым делом возпоследовало. Привозпоследовавшим и иным неким винам от всюднаго разорения жития вашего, по вашему мне объявлению: основание же от здешних стран разорения жития вашего есть, безсоветное толико великия вещи, начинание. Зане аще бы святыни вашей по благословной вине вреда ради воздушнаго, егоже претерпевали есте в Снагове, и возпоследовала необходимая нужда, другия просити к житию своему обители, то когда бы вы меру свою познавая, подобныя Снагову искали обители: то серд-

цведец Господь видя вашу нужду. вложил бы в сердце властем. со всякою радостию и дати вам таковую обитель к пребыванию вашему. А понеже меру свою превосходя, искали есте первенствующия обители: того ради и возпоследовало то, еже возпоследовало. По преселении же вашем отсюда во отечество свое. в данной вам от богоуправляемых власти, обители, которую уподобляете святей горе Афонстей, в нейже, аще бы истинная в святыни вашей ревность Божия ко спасению была: то воистинну могли бы вы со братиею в крайнем безмолвии прежити. бегающе и удаляюще всех молв и попечений мира сего. Но управляете ли святыня ваша поне ныне братию кротостию и смирением, и отеческим милосердием, да слышаши сие окаянная моя душа, поне малейшую возмогла бы прияти отраду, и некое о святыни вашей извещение, яко управляете братию по воли Божией, и по разуму святаго Евангелия? Но увы мне, увы мне: воистинну ниже ныне сподобляюся поне отчасти услышати таковую многожелаемую мне весть, но все сопротивное. Мнози бо братия ваша изшедши от вас, по совести своей представляют мне, яко безмерныя ради жестоко-сти вашей, не могут у вас жити: не бо сподобляются аки отцу своего премилосерднаго вас любити: но аки страшнаго некоего и престокаго мирскаго властелина боятся и трепещут, ужасаются и наказаний ваших, не иноческому чину, но мирской власти приличных: уз, чепей, мрачных затворов. грозных и меру терпения превосходящих наглых укоризн, и прочих таковых жестоких наказаний: и того ради избегше от вас на свободу, мнятся яко избегли от некоего страшнаго пленения и порабощения, и возвратитися к вам отнюд не смеют, аще и много от мене о сем увещаваеми бывают. Аще ли же бы они от вас всегда кротостию и смирением и отеческим милосердием управляеми были: то по исхождении своем от вас, паки с неизреченною радостию, яко к своему прелюбимейшему и чадолюбивому отцу и возвращалися бы. А понеже о милосердном вашем их управлении, ни малейшия не имеют надежды: того ради аки овцы без пастыря в чуждей стране не без печали душевныя пребывают. Во обители вашей отче Феодосие, аще бы вы по истинной ревности Божией гонили безмолвие, тако бы могли вы с братиею Божией поспешествующей благодати, в совершенном безмолвии, и от всех мира сего попечений удалении, и приседении келейном в трезвении и внимании умнем, и во всегдашнем призывании Господа Иисуса, сиречь во священной и боготворящей молитве умом в сердце совершаемей, упражнитися: яко во втором раи и пустыне Иорданстей. Пищу свою и одежду имеюще от приходов монастырских, от млинов и от пасек, и от Божиим промыслом посылаемых от христоробцев милостыни: яко не знали бы вы ни единого мира сего попечения.

Но где есть таковая ревность? Где есть таковое о спасении своем внимание? Где есть истинное, во всегдашней молитве упражняться, желание? Где есть вседушное, бегати молв мира сего и попечений, и седети в крайнем безмолвии, усердие? Ничесогоже такового во святых твоих не вижду, но вижду, якоже непущую, наваждением вражиим все сопотивное, молву и попечение, и скита, истиннее же рещи хуторов заводы, прилежное попечение о размножении многообразнаго скота, частии без всякия нуждныя вины и предолговременнии от обители и братий отъезды: ихже ради якоже разорение душам братий во отсутствии настоятеля бывает, изрещи невозможно есть. Занеже аще бы в души вашей истинное желание было от всего сердца и души нудитися на предреченная благая делания: то тщалися бы вы во обители и в келлии аки во гробе пребывати неисходно, и день и ночь непрестанно о своем и братий своих спасении пещися. А понеже святых твоих паче всего любимейше есть, частое и долговременное от обители, с не малым души твоя и душ братних разорением, исхождение: то что все, о ревности вашей словом к безмолвию и молитве и ко книгам отеческим, ко мне аки к малому и несмысленному отроку и писати? Я отче святой, не на словеса ваша, но на плоды ваша взираю. и от плод ваших. по заповеди Господней познаваю: яко словеса ваша с плодами вашими отнюд несогласна суть, но едино точию в них есть поверхнее притворство: а не самая сущая истинная от внутренняго залога душевнаго к предреченным благим деланием и ко книгам отеческим, бывающая Божия ревность. Сие же все даже доселе писах, к святых твоих, не тем разумом писах, да осуждаю вас: да небудет. Верую бо и исповедую яко един есть истинный и праведный Судия живым и мертвым Христос Бог наш. иже и воздаст комуждо по делом его: и яко осуждая ближняго своего, сан Христов на себе восхищает: но сим разумом писах. и любве ради Божия подробну аки в зеркале святых вашей представих, яко не аз за предреченную вину союз любовный к святых вашей с моей стороны совсем разорвах: но святых твоя, от того времење когда добровольне данный вами пред Богом обет советоватися со мною, вовся попрали и отринули от души вашей: тогда и союз искренния ваша, якоже пишете. ко мне любве, с вашей стороны совсем все совершенно разорвали. даже и до ныне. Аз любовь мою духовную которую к вам по Бозе имех, егда вы еще пребывали в Цыбуканах, туюжде и ныне Божию благодатию имею, но точию действием своим отменну: тогда вас любих яко истиннаго раба Божия и последователя душеспасителным его заведем, и радовахся душею и прославлях Бога. о вашем во всех благих делех духовном предупрежении. ныне же по отвержении вами даннаго онаго от вас пред Богом обета, из глубины души моя

воздыхаю о вашем душевном состоянии, и плачу сердцем и рыдаю. и всеусердне премилосерднаго Бога молю, да всем он хотяй спастися и разум истины прияти, коснется благодатию своею души вашаея, и подаст ей во всем всесовершенное исправление, и на первое паче же и несравненно лучшее состояние и духовное во всех благих делах предупеяние, возвратит всемогущею своею силою. Се отче святыи по совести моей святыни твоей объявих, яко аз туюжде по Бозе любовь всегда к вам имею, но точию действием своим, якоже рекох, отменну. Сего ради молю святыню твою, никогдаже о любви моей к вам, ни малейшаго сумнения не имейте: но известно веруйте, яко едину и туюжде всегда к вам любовь по Бозе имею. Но понеже святыня твоя знамением известным моего с вами примирения и любве имате, и прислание к вам книг отеческих на преписание: то следует яко и не прислание к вам книг оных, знамением вражды моея к вам и не любве, по мнению вашему будет. Того ради нужно вмених быти, и о сем святыни твоей подробну возвестити, да Божией содействующей благодати, истребится таковое от души вашаея неподобное о мне мнение: не бо, якоже вам мнится, не примирения ради моего с вами, или не любве ради моея к вам, и доселе книг отеческих для преписания по прошению вашему не прислах к вам. Но понеже труд мой, или во исправлении или и в переводе книг отеческих, аще воистинну и многострадателен есть и велик, и силу мою многомогущую телесную и душевную несравненно превосходящ: но еще храмлющ есть и несовершен, благословныя ради вины, яже низше речется. Большаго же ради извещения и яковья ради вины, и каковым разумом, и намерением сие дело мною началося, должен есть святыни твоей подробну возвестити, да от двоих сбудется едино: или святыня твоя всесовершенно от моего о сей вещи возвещения, уразумев. престанете мне более о сем стужати: или поне ныне согласитесь с моим советом о книгах отеческих. общия ради монашествующих пользы. Но да начну с самага начала.

Резюме: В статье рассматривается различия между списками послания, хранящимися в Оптинском собрании РГБ214.142, текст которых был издан в 1847 году Оптиной пустыню, и списком, хранящимся в собрании Ново-Нямецкого монастыря НАРМ 2119.2.22 (этот текст был издан в Серпухове в 2014 году).